

Мастера, которые тогда на вас работали, когда увидели эскизы новых сложных скульптурных украшений, как отреагировали?

Я собрал команду дизайнеров и моделеров, которые понимали меня, им нравилось так работать. Другое дело, что когда первые наши украшения появились на прилавках, их совершенно не поняли и не приняли. Так что мы продолжали делать и совершенно стандартные, привычные для всех вещи, чтобы выжить.

Когда все изменилось?

В мае 1968-го! Меня и еще троих представителей испанских компаний пригласили на ювелирную выставку в Париж. Я собирался на неделю, но, как вы понимаете, Парижу тогда было совсем не до выставок. «Красный май» заставил меня вернуться домой через два дня. И все-таки за два дня мои украшения посмотрели ювелиры и покупатели из разных стран; я очень мало продал, но со многими познакомился. А главное, я понял, что мир в отличие от Испании открыт моим украшениям! Вкусы в других странах тогда были значительно менее консервативными.

Что вы тогда показывали в Париже?

Это были крупные украшения. Особенно хорошо я помню три кольца: одно — из параллельных золотых палочек, инкрустированных бриллиантами и изумрудами, второе — из эбенового дерева в форме куба, который пронизывали золотые струны и букеты цветов из бриллиантов, третье — с рубином и музыкальными инструментами. Кстати, в прошлом году в моем родном городе Гвадалахаре прошла выставка моих ранних работ — там были некоторые из тех вещей, что выставлялись в Париже.

Как менялся ваш стиль после 1968 года?

Я заинтересовался анатомическими украшениями, меня увлекали человеческие тела, их отдельные части, особенно руки. Но в Испании меня по-прежнему не понимали. У меня уже появились здесь первые клиенты, но их совсем немного. А потом я приехал на Baselworld — это был третий год проведения выставки, и нас, главных испанских ювелиров, на нее привезла наша Коммерческая палата. Стенд у меня был совсем крошечный, четыре на четыре метра, и к тому же не в лучшем месте. Но есть люди, которые в поисках нового изучают именно такие неказистые стенды. У меня тогда побывали представители Harry Winston, Cartier, Bulgari, Neiman Marcus... Все они поздравляли меня с интересной коллекцией, а Neiman Marcus даже заказали украшения. Но главное — обо мне заговорили! Директор Baselworld каким-то образом заметил меня среди представителей 3 тыс. марок и начал водить ко мне высокопоставленных гостей на экскурсию. На следующей выставке у меня уже был 20-метровый стенд в хорошем месте. Заказов, которые мы получали в Базеле, стало хватать на целый год.

Когда вас оценили в Испании?

Лет через пять после того, как меня признали в мире. И не то чтобы они поняли мои украшения, они просто заметили, что моя фабрика сильно увеличилась — на ней трудились уже не 20 человек, а 100, что нас любят в других странах... Плюс для Испании мои вещи были слишком дорогими — из-за проделанной работы цена получалась совсем немалой. Наверное, мы по-настоящему понравились соотечественникам, когда наши ювелирные скульптуры стали затрагивать античную мифологию и христианство.

И одновременно вы создавали откровенно эротические украшения?

В искусстве не должно быть ограничений! Я много сделал не то что эротических, а порнографических украшений, и поверьте: невероятно сложно сделать их качественно! Драгоценности должны быть не просто соблазнительными, они должны быть возбуждающими, но не пошлыми!

Почему вы решили создавать украшения-скульптуры?

Мы экспериментировали с разными формами и материалами, но пришлось время решать, куда двигаться дальше. Пути было два — или к украшениям с крупными драгоценными камнями, но для этого нужен большой капитал, или к украшениям, в которых главную роль играет форма, сюжет, а материал — всего лишь золото. Я делал 500 вещей, которые стоили как две с крупными камнями у Bulgari или Cartier! Позже такие украшения появи-

лись и у нас, но они уже были интегрированы в нашу традицию создания ювелирной скульптуры.

Текстурирование золота, чередование матовых и глянцевых поверхностей — это приемы, появившиеся одновременно с решением сконцентрироваться на скульптуре?

Да, примерно. Если бы скульптура была только из полированного золота, она выглядела бы дешево, кроме того, форма терялась бы из-за блеска. Матовая поверхность — совсем другое дело! Виден каждый изгиб, каждая линия! Но самым сложным было получить нужный оттенок золота. Это потом он стал нашим фирменным, а тогда чего мы только не пробовали! Добавляли примеси, чтобы сделать золото более розовым — матовая поверхность у нас получалась то слишком темной, то просто некрасивой... Мы пытались снова и снова, и в итоге нам удалось — создали золото того самого оттенка, который нам был нужен.

Вы создавали и настоящие скульптуры с применением драгоценных материалов...

Да, и некоторые из них хранятся в музеях. Мой «Икар» из золота с крыльями из плоских японских жемчужин, например, лет 20–25 как хранится в ваших Музеях Кремля. Как же вам повезло с их коллекциями! Одни вещи Фаберже — монстра из монстров, — хранящиеся там, способны лишить дара речи!

Вы вообще, кажется, хорошо знаете Россию. Ростропович был вашим близким другом...

Да, так грустно, что его больше с нами нет! Он всегда звонил мне, когда приезжал в Мадрид. И мы гуляли, пили вино, много смеялись... А познакомила нас с ним королева Испании София. Ростропович видел мои украшения в разных странах, в какой-то момент стал их покупать, потом коллекционировать, а затем попросил королеву представить его. Так мы и познакомились. И стали очень близкими друзьями! У меня столько историй про него! Мы с ним умели повеселиться!

Лучшие моменты моей жизни связаны со Славой. Помню, однажды мы с ним обедали, и он спросил, что бы подарить Галине, чем бы ее порадовать? Я придумал скульптурку: озеро из малахита, по которому сплавлялся на бревне Буратино, а на листике кувшинки — лягушка в короне. Почему такой сюжет? Галина звала Славу Буратино, а он ее — лягушкой. И вот, дело было в Испании, они пошли в ресторан Casa Lucio, и он преподнес ей этот подарок. Она расплакалась.

Ваши дети работают в Carrera y Carrera?

Работали раньше, но потом у них возникли разногласия с нашими предыдущими акционерами. Мой сын после этого стал независимым скульптором, а дочь открыла свой ювелирный магазин.

А среди 12 внуков кто-то проявляет интерес к ювелирному искусству?

Да! Мой второй внук, ему сейчас 24, пока учится — управлению компанией и архитектуре, но я вижу, что его стало интересовать ювелирное искусство. Хотя его сейчас метает из стороны в сторону — недавно, например, увлекся граффити. В моем особняке все стены уже изрисовал!

Ваша коллекция минералов тоже хранится в вашем особняке?

Да, но я все меньше покупаю. Хорошие камни можно встретить только в путешествиях, а я езжу все меньше и меньше. Но что жаловаться — я посмотрел почти весь мир!

Вы на какое-то время оставляли Carrera y Carrera, но потом снова вернулись, а вместе с вами — и линия Private Collection. Она будет развиваться дальше?

Мне бы очень хотелось, чтобы она развивалась! Мы планируем пополнять нашу «Частную коллекцию». Я очень горжусь тем, что нам удалось вырастить дизайнеров, некоторые из которых уже безупречно чувствуют стиль Carrera y Carrera и могут продолжать мое дело.

Беседовала Анна Минакова

— Подвески Mi Musa